

ДЖЕЙМС ОЛИВЕР КЕРВУД
МОЛНИЕНОСНЫЙ

JAMES OLIVER CURWOOD

SWIFT LIGHTNING

A Novel

Джеймс Оливер Кервуд

МОЛНИЕНОСНЫЙ

Роман

ХАРЬКОВ
2020

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111
К36

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Перевод с английского *Анатолия Михайлова*

Дизайнер обложки *Петр Вихорь*

ISBN 978-617-12-7877-6 (PDF)
ISBN 978-617-12-7659-8

© DepositPhotos.com / xl-2015,
обложка, 2020
© Книжный Клуб «Клуб Се-
мейного Досуга», издание
на русском языке и худо-
жественное оформление,
2020

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Полярная ночь была наполнена незнакомыми и загадочными звуками и шорохами. Сгущались сумерки — ранние сумерки, предвестники долгих и пасмурных месяцев, быстро наступавших на этот скованный холодом мир, в который превратился Североамериканский континент за Полярным кругом. Землю уже укрыл слой снега, мелкого и твердого, словно сахарный песок; его толщина была чуть менее двенадцати дюймов, но почва под ним уже промерзла насквозь. Температура упала до сорока градусов ниже нуля.

На голом гребне тороса, с которого открывался вид на заснеженные льды узкого залива Батерста, сидел Молниеносный, глядя на свой мир, раскинувшийся перед ним. Это была его третья зима — его третья Долгая Ночь. И вот эти самые сумерки будили в нем дурные предчувствия. Сумерки ничуть не походили на те, что бывают на юге, — здесь они превращались в огромное серое ничто, в настоящий

хаос, в котором взгляд проникает далеко, но ничего не видит. Земля и небо, море и суша слились воедино. Здесь не было ни облаков, ни неба, ни горизонта, ни луны, ни солнца, ни звезд. И это было куда хуже ночи. Некоторое время спустя небесных светил станет слишком много, и тень Молниеносного примется бегать с ними наперегонки.

А пока что его мир напоминал яму. И в яме этой слышался звук, который ему никогда не нравился. Временами он вызывал у него неизбывную тоску и странное чувство одиночества. Ветра не было, но в сером хаосе, раскинувшемся под небом, слышались стоны и шорохи, которые то и дело заставляли маленьких полярных лисят лаять. Молниеносный ненавидел этих лисят. Ему хотелось разорвать их на куски. Ему хотелось заставить их замолчать; ему хотелось избавить от них землю. Но они отличались изворотливостью, и поймать их было трудно. Эту истину он уже усвоил на собственном опыте. Сидя на своем торосе, он оскалил клыки. В глотке у него родился рык, и он вскочил на ноги.

Он являл собой великолепный образчик дикого зверя. На всем пространстве от Киуатина до Большой Медведицы сравниться с ним в холке могла едва ли полудюжина волков. И вообще, он не очень-то походил на волка. Владелец широкой квадратной груди, он высоко держал свою большую голову. В нем не чувствовалось той трусливой настороженности, что обычно свойственна его собратьям. Он смотрел на мир открыто и без страха. Спину он держал прямо,

в ляжках у него не было «волчьего приседа», а светло-серым окрасом этот волк напоминал калифорнийского кролика. Голова его отличалась массивностью, что было необычно для волчьего племени; глаза были широко расставлены, челюсти — тяжелые, и он никогда не поджимал хвост. Потому что Молниеносный был реликтом — пережитком двадцати поколений волков прошлого. Много лет назад его предком стала собака, огромный датский дог. Целых двадцать лет его кровь смешивалась с волчьей, двадцать лет она скрещивалась с ними, пока в конце пятого периода спаривания порода датских догов не растворилась в крови диких волков. Еще пятнадцать лет спустя его предки оставались волками — голодными охотниками за мясом, волками бесплодных пустошей, волками с отощавшими спинами и ляжками, волками с поджатыми хвостами и узкими глазами — волками, которые не испытывали такой ненависти к маленьким полярным лисам, какой ненавидел их он и как ненавидел их огромный датский дог двадцать лет назад.

Но Молниеносный, стоя на вершине своего тороса и являя собой реликт двадцати поколений волков, знал о капле собачьей крови у себя в жилах столь же мало, как мало разбирался в загадочных подвываниях и скулеже, которые звучали у него высоко над головой, в сером мареве, протянувшемся от земли до неба. Он был волком, и все тут. Стоя на голой кромке тороса, сдерживая глухое рычание, рвущееся наружу из глотки, обнажив длинные белые клыки в ответ на лай полярных лис, он оставался волком с головы до

кончика хвоста. Но в его дикой и свирепой душе — душе, закаленной и ожесточившейся в битвах, в борьбе с голодом, холодом и смертью, — уже звучал голос предка, датского дога, Большого Датчанина, долетевший с расстояния в почти четверть века.

И Молниеносный вновь ответил на него сейчас, как отзывался раньше. Слепо и безрассудно, не понимая, что и зачем делает, повинувшись лишь беспомощному инстинкту, пробивающемуся к свету, он спустился вниз, на уровень моря.

«Морем» был залив Батерста. Точно так же, как залив Коронейшн является частью Северного Ледовитого океана, так и залив Батерста принадлежит заливу Коронейшн. Широкий на входе, но сужающийся до толщины женского пальчика, он на две сотни миль вдается в Землю Маккензи, так что по его льду можно попасть из царства моржей и белых медведей, начисто лишённого травяного покрова и кустов, туда, где за великими пустошами растут березы, кедр и можжевельник. Это долгая и открытая тропа, ведущая от Земли Принца Альберта до лесных просторов, — причуда и прихоть Арктики, прямая, как стрела, дорога от эскимосских иглу в проливе Мелвилла к началу цивилизации в Старом Форте Релейенс, в пятистах милях к югу.

Именно на юг Молниеносный и обратил свой взор, потянув носом воздух. Он уже позабыл о маленьких полярных лисах. Отправившись в путь легкой рысцой, в конце восьмой мили он уже бежал. Его огромное серое тело мчалось все быстрее и быстрее. Когда ему

исполнилось два года, индеец из племени кри и белый человек заметили, как он трусцой пересекал узкую горловину открытой равнины, и кри сказал: «Weya mekow susku-wao — он быстр, как молния». И вот теперь Молниеносный несея в том же ритме. Нет, это была не работа. Он так играл — и радовался жизни. Он не загонял добычу. И не был голоден. Тем не менее его охватил дикий восторг, азарт и возбуждение от быстрого бега, покорных сильных мышц, великолепного и не знающего усталости тела, которое повиновалось порывам его настроения и желания так же, как исправный механизм реагирует на электризующее прикосновение человеческих рук. Впрочем, и он по-своему, инстинктивно, сознавал в себе эту силу. Но, самое главное, он любил мчаться вот так под луной и звездами, наперегонки с собственной тенью, единственным живым существом на всем Дальнем Севере, которое он не мог победить на открытой местности. Сегодня ночью, или просто сегодня — потому что наступило уже ни то и ни другое, — безумие быстрого бега бурлило у него в крови. Целых двадцать минут он несея наперегонки с самим собой — а потом остановился. Бока его вздымались и опадали в такт быстрому дыханию, но он ничуть не запыхался. Стоило ему замереть на месте, как он тут же вскинул голову; глаза его без усталости вглядывались в хаос пустоты впереди, и он жадно втягивал ноздрями воздух.

В этом воздухе обнаружилось кое-что, что заставило его развернуться поперек собственного хвоста и броситься в худосочный лесок, протянувшийся

вдоль берега и являвший собой наглядный пример того, сколь могущественны силы арктической природы. Корявый и низкорослый, лесок выглядел так, словно его корежило в адовых муках до тех пор, пока жизнь не покинула его. Он рос здесь с незапамятных времен, но так и не поднялся выше слоя снега, который укрывал его. Ему могло быть и сто лет, и пятьсот, и даже тысяча, но его самое могучее дерево, толщиной с бедро взрослого мужчины, едва достигало плеча Молниеносного. Впрочем, и здесь встречалась чащоба. Как и укрытия, кстати. Вокруг сновали крупные зайцы-беляки. Над головой у волка пролетела огромная белая сова. Дважды Молниеносный предостерегающе обнажал клыки, заметив призрачные силуэты полярных лисиц.

Но при этом он не издал ни звука. Сейчас его вело чувство куда сильнее ненависти к ним, и он безостановочно двигался вперед. Запах, висящий в воздухе, усилился. Он шел прямо на него, не сворачивая. Полумилей дальше он наткнулся на рану в земле, оставленную зубастым краем какого-то доисторического глетчера. Она оказалась узкой, глубокой и странной, напоминавшей скорее расселину, чем долину. Он мог пересечь ее в дюжину длинных прыжков. И вот в ней рос лес — настоящий лес, — поскольку каждую зиму ветры с пустошей заметали расселину снегом, и деревья в ней оказывались под защитой его покрова глубиной в тридцать или сорок футов. Сейчас он лежал внизу перед ним, густой и черный. И Молниеносный знал, что там есть жизнь, — если только он постарается отыскать ее.

Серой тенью он скользил вдоль гребня этой пробитой глетчером расселины, теряясь во мраке. Но во впадине нашлось много глаз, привыкших к темноте, и они свирепо следили за ним. Из нее поднялись в воздух белые призраки полярных сов. Их огромные крылья зашелестели над ним, и он слышал злобное щелканье их убийственных клювов. Он увидел их, конечно, но не остановился, как и не испугался. Лиса на его месте тут же метнулась бы в укрытие. Любой другой волк с рычанием повернул бы в сторону пустошей. Но Молниеносный даже не удостоил их внимания. Он не боялся сов. Он не боялся даже Вапуска, большого белого медведя. Он знал, что не сможет убить его, а вот Вапуск запросто мог раздавить его одним взмахом своей чудовищной лапы. Тем не менее он не боялся. В его мире лишь одна-единственная вещь внушала ему страх, и вот внезапно она выросла перед ним, еще одна тень в сумерках.

Это было жилище — бревенчатый сруб из молодых деревьев, доставленных сюда из тьмы прорубленной глетчером расселины. На крыше торчала труба, из которой шел дым. Это его Молниеносный унюхал с расстояния в целую милю. На несколько долгих минут он замер, а потом медленно двинулся по кругу, пока не оказался напротив окна в стене дома.

Вот уже в третий раз за последние месяцы, которых набралось два раза по три, он приходил сюда, садился и смотрел на окно. Дважды он приходил ночью, и оба раза окно светилось. Оно и сейчас было освещено. Молниеносный решил, что оно похоже на

квадратный лоскут румяного солнца. Из него в ночную темноту струилось светло-желтое *нечто*. Молниеносный уже знал, что такое огонь, но до тех пор, пока не наткнулся на жилище, даже представить себе не мог, что огонь может быть вот таким — без пламени. Казалось, мир вокруг сруба потемнел, потому что внутри него пряталось солнце.

Сердце быстро билось в широкой груди волка, а в глазах появился незнакомый блеск, пока он смотрел на освещенное окно, расположенное в сотне футов. Двадцать поколений волков отступили прочь, и капля собачьей крови превратила его в почтового голубя — и он вернулся во времена датского дога, который спал в круге света у очага белого человека и чувствовал прикосновение его руки; вернулся к солнцу, жизни, теплу и любви в голосе своего хозяина. И теперь тень предка сидела рядом с Молниеносным, пока он смотрел на желтое окно. В нем проснулся дух Скагена. Этот призрак Скагена бежал с ним сквозь сумерки на запах дыма из жилища белого человека.

Но Молниеносный не знал об этом. Он молча смотрел на дом и свет, и в его свирепом сердце вдруг поселились тоска и одиночество. А вот понимания не было. Потому что он был и оставался волком. Его привели сюда двадцать поколений тел, сердец и крови волков. Но сейчас рядом с ним сидел призрак Большого Датчанина и тоже смотрел на окно.

А в доме на краю пробитой глетчером расселины, повернувшись спиной к плите, капрал Королевской

северо-западной конной полиции Пеллетье читал вслух констеблю Сэнди О'Коннору приложение к своему официальному рапорту, который он намеревался отправить эскимосскими нартами в форт Черчилль, расположенный в нескольких днях пути и семи сотнях миль к югу.

Последние слова Пеллетье были адресованы старшему инспектору Старнсу, начальнику отдела полиции «М» в Черчилле, и гласили:

«...прошу присовокупить нижеследующие соображения в отношении карибу и волков в качестве особого важного дополнения к моему отчету об угрозе голода в северных районах нынешней зимы. Волки сбиваются в огромные стаи, насчитывающие от пятидесяти до трехсот особей. На одной из троп мы обнаружили кости двух сотен карибу, загрызенных на расстоянии в семь миль. На другой — больше сотни скелетов на девять миль. Обнаружить останки тридцати или сорока оленей там, где охотилась стая поменьше, — самое обычное дело. Пожилые эскимосы рассказывают, что раз в поколение волков охватывает «безумие крови», их стаи вытесняют из округи всю дичь, убивая тех, кто не успел убежать. Эскимосы верят, что в такие годы «демоны» берут верх и торжествуют над добрыми духами земли; из-за этих предрассудков нам трудно заручиться их сотрудничеством в охоте на волков, которую мы могли бы организовать. Впрочем, я надеюсь, что нам удастся переубедить

молодых эскимосов, над чем мы с констеблем О'Коннором и работаем.

Имею честь оставаться вашим покорным слугой, сэр,
Франсуа Пеллетье,
капрал патруля».

Пеллетье и О'Коннор сидели за столом из расколотых вдоль стволов молодых деревьев, а над головами у них висели жестяные масляные лампы, которые и освещали окно. Вот уже семь месяцев эти парни несли службу на краю земли, позабыв о том, что такое бритва. Цивилизация осталась где-то далеко-далеко. Впрочем, на карте мира имелось еще одно местечко, олицетворявшее собой закон и расположенное еще дальше к северу, на острове Гершеля. Но тамошние казармы, уютные и не лишенные даже некоторых излишеств, нисколько не походили на их нынешнюю лачугу. Сидящие в круге света, отбрасываемом лампой, мужчины давно стали частью дикой природы, в которой поддерживали закон и порядок. О'Коннор, рыжий, бородатый и широкоплечий верзила, выложил свои огромные кулачищи на стол, с ухмылкой глядя на Пеллетье, чьи волосы и борода были настолько же черными, насколько у О'Коннора они были рыжими. Пеллетье ответил ему слегка извиняющейся улыбкой. Семь месяцев ада, оставшихся в прошлом, и предвкушение еще пяти, ждущих впереди, не смогли омрачить их дружбы.

— Прекрасно, — сказал О'Коннор, в голубых глазах которого светилось восхищение. — Если бы я мог так